

ГЛАВА 1

Маленький городок Швайцбург в Передней Померании застыл в тревожном ожидании. До войны тут проживало чуть более тысячи человек, а сейчас не осталось и половины. Люди бежали от наступающей Красной армии. Министерство пропаганды пока работало. Немцы считали пришельцев с востока неотесанными и безжалостными дикарями, абсолютно неприученными к цивилизации.

В городке оставались только те, кому некуда было податься. Аккуратные разноцветные домики в стиле фахверк как-то съежились, вымерли улицы, мощенные брусчаткой, по-малкивали люди и собаки.

Даже часы на городской ратуше сломались именно в тот день, когда два батальона 24-го стрелкового полка вошли в городок и заняли ключевые позиции. Следом за ними там появились саперная рота и взвод войск НКВД. Эти подразделения тут же занялись своими делами. Первое — разминированием различ-

ных объектов, второе — поиском диверсантов и прочей сомнительной публики.

Возвращаться в Швайцбург герои вермахта не собирались, откатились без боя, оставив городок в целости и сохранности. Линия фронта застыла на западе, километрах в восьми. Приключилась досадная заминка. Отстали тылы, вовремя не подвезли боеприпасы, и вот такая конфузия.

26 апреля советские войска взяли Штеттин, покатались дальше, вошли в Переднюю Померанию, приготовились к броску в Мекленбург, однако получили соответствующий приказ и встали. Три дня в этих местах царила непривычная тишина. На юге пылал Берлин, на улицах шли бои, не за горами центр города и рейхсканцелярия. Красноармейцы добивали фашистов в их логове, а здесь, на севере, все выглядело так, словно не было никакой войны. Солдаты вели себя прилично, мирное население не третируют.

Не сказать, что бургомистр встречал освободителей хлебом-солью, но очень волновался, растекался по древу, выпячивал свое якобы польское происхождение. Дескать, никакой я не немец. Командир полка подполковник Уфимцев раздраженно отмахивался. Ладно, не лезь. Кончилось ваше время. Однако будь любезен находиться поблизости, братец-славянин.

Конец апреля выдался погожим. Робко проклевывались листочки на деревьях, расцветали цветы на карнизах и подоконниках. Иногда по древней брусчатке прогуливались патрули. Штаб полка располагался на главной улице, в здании ратуши, увенчанном остроконечным шпилем. Парадный вход был закрыт, существовал лишь для красоты. В здание люди попадали, минуя узкий проезд и широкое пространство двора, вымощенное неотесанным булыжником. Здесь находились гараж, подсобные строения.

Несмотря на раннее утро, в бывшей конторе городского управления былолюдно. Гражданских чиновников сменили люди в погонах. Службы полка оккупировали первые этажи. Связисты протянули провода. Сновали часовые с автоматами.

Из открытых ворот гаража торчал проржавевший передок полуторки. Там возились механики. Один периодически запускал мотор, другой рылся под капотом, отпуская матерные замечания по поводу качества сборки легендарного отечественного грузовика.

На крыльце курили офицеры штаба, посмеивались, обсуждали вчерашних гостей, представителей союзных войск, нагрянувших в полк. Что они забыли в этой глуши? Два американца, столько же британцев, все с майорскими погонами. Такое впечатление, что на

экскурсию прибыли. При них фотограф, тип весьма нервный, весь какой-то дерганый.

Сам комдив встречал их на фронтовом аэродроме, поил, кормил, впаривал небылицы, потом возил по населенным пунктам, освобожденным от фашистов, показывал, как нужно воевать. Иностранцы удивлялись. Мол, надо же, Красная армия идет вперед почти без разрушений, а в том же Мюнхене после наших налетов камня на камне не осталось.

С улицы въехал выдавший виды «ГАЗ-64» с единственным пассажиром, он же водитель. Машина встала у крыльца, по соседству с трофейным «Хорхом», у которого почему-то отсутствовали передние колеса. Их временно заменяли стопки кирпичей. Машина досталась победителям в наследство от побитой германской армии. Когда это чудо техники обследовали саперы, колес там уже не было.

Из «газика» выбрался подтянутый элегантный капитан, посмотрел по сторонам, почесал пятерней, как гребнем, ершистые светлые волосы, натянул фуражку. Оправил гимнастерку, смявшуюся под ремнем, забрал с сиденья картонную папку с бумагами. Поморщился, когда из гаража донеслась витиеватая ругань. Этому словесному пассажиру предшествовал хрип взбрыкнувшего мотора.

— Эй, Коваленко, а ну, не ругаться! — крикнул офицер.

Матерный монолог прервался. Нарисовалась чумазая физиономия механика с гаечным ключом в мозолистом кулаке.

— А как не ругаться, товарищ капитан? — обиженно прогудел боец в засаленном комбинезоне. — Мы ее и так, и этак, и по-всякому!..

— А ты ключ выброси, — посоветовал светловолосый капитан. — Не русские люди, что ли? Кувалдой работайте.

Механик озадаченно почесал ключом голову, задумался.

Офицеры на крыльце закончили перекур, по одному втянулись в здание.

Капитан опять осмотрелся, помахивая папкой, направился к крыльцу, вытер подошвы о стальную решетку под лестницей. Потом вошел в здание, посторонился и козырнул. Навстречу ему спешил майор с перекрещенными пушками в петлицах.

Коридор был оформлен помпезно, в стиле мрачноватой готики. Капитан открыл ключом вторую по ходу дверь, вошел в маленький кабинет с непропорционально высоким потолком, бросил фуражку на вешалку.

Помещение было так себе. До пришествия Красной армии здесь трудился помощник бургомистра по вопросам водоснабжения и канализации. Потом этого человека никто не видел, он просто сгинул. Все бумаги, папки, подшитые талмуды оставались в целости, их

собрали в кучу и задвинули в угол. Обустроиваться смысла не было. Полк со дня на день мог двинуться в поход.

Капитан глянул на наручные часы, сел за стол, устремил задумчивый взор на причудливые настенные панели. Потом он раскрыл свою папку и стал изучать неровную машинопись.

В дверь постучали, всунулась постная физиономия офицера с погонами старшего лейтенанта.

— Доброе утро, Олег Петрович! Разрешите?

— Да, безусловно. — Капитан моргнул. — Как вас?.. Станислав Юрьевич, если не ошибаюсь?

— Почти запомнили, — сказал старший лейтенант, вторгаясь в лоно водоснабжения и канализации. — Вячеслав Егорович, старший лейтенант Евсеев, временно исполняю обязанности начальника вещевого службы полка.

— Ладно, запомню. — Капитан улыбнулся. — Что у вас, Вячеслав Егорович?

— Бумагу подпишите. — Евсеев раскрыл потертую папку, выудил мятый лист. — На склад поступило новое обмундирование, а снабженец из дивизии отказывается разгрузить, пока не получит вашу визу.

— Какая проза! — Капитан манерно вздохнул, извлек из нагрудного кармана шариковую ручку британского производства, пока еще диковинную в Советском Союзе, снял колпачок, дыхнул по привычке на стержень. — Давайте

свою бумагу, подпишем, чего уж там, дабы не жаловались на нашу бюрократию.

Без стука отворилась дверь, и порог переступил полноватый майор в полевой форме. За его спиной мерцали еще двое в офицерских фуражках. Он смотрел недобро, поджав губы.

— Разрешите? — Тонкие губы майора перекосила усмешка.

— Подождите, — отмахнулся капитан, не успевший поставить подпись. — Я не могу удовлетворить сразу всех.

Потом он удосужился поднять глаза, и в них мелькнуло беспокойство. Майор вошел, и капитану пришлось встать. Все-таки старший по званию. Старший лейтенант, поколебавшись, тоже поднялся.

— В чем дело, товарищи офицеры? — Голос капитана как-то предательски дрогнул.

Все трое подходили к его столу.

— Доброе утро! Майор Гамарин, третий отдел ГУКР СМЕРШ по девятнадцатой армии. Вы капитан Потанин Олег Петрович, заместитель начальника штаба двадцать четвертого стрелкового полка по строевой части?

— Да, это я. А в чем, собственно, дело? — Капитан справился с собой, его голос сделался ровным, хотя кожа на лице натянулась и побелела.

Испуганно хлопал глазами старший лейтенант Евсеев, смотрел то на майора, то на капитана.

— Вы арестованы по обвинению в пособничестве фашистам и сотрудничестве с германской разведкой. Сдайте оружие и следуйте за нами!

— Что за чушь! — Сохранять хладнокровие было непросто, но Потанин и не старался. — Это ложь, огромная ошибка. Меня назначили на эту должность только два дня назад...

Майор не удержался, сухо улыбнулся, и капитан осекся.

— Так что вы предлагаете, Олег Петрович? Дать вам еще недельку, чтобы вы развернулись от всей души? Нет, мы собираемся пресечь вашу деятельность уже сегодня. Уж извините.

Потанин не успел опомниться. Ему заломили локти, извлекли из кобуры табельный наган. Умелые руки мастерски ощупали карманы кителя, форменные брюки, рукава. Три суровые физиономии висели над душой.

— Следуйте за нами, — сказал Гамарин. — Надеюсь, у вас хватит благоразумия не сопротивляться и не качать права. Этим вы только отяготите свою участь, Олег Петрович.

— Послушайте, это страшная ошибка. Вы совершаете непоправимое!.. — Слова не лезли из горла.

Офицеры подтолкнули к выходу из помещения.

— А как же подпись? — растерянно пробормотал старший лейтенант Евсеев. — Они же не разгрузят, если ее не будет.

— А вы кто такой? — Майор резко повернулся к нему.

— Старший лейтенант Евсеев, временно исполняю обязанности начальника вещевого службы. Тут подпись нужна.

Майор придирчиво уставился в глаза Евсееву, отчего тот окончательно скис, косо глянул на мятую, никому не нужную бумагу. В глазах сотрудника контрразведки СМЕРШ заблестел смешливый огонек.

— Хорошо, распишитесь, Олег Петрович, раз такое дело, — заявил он. — А то ведь действительно с этой вашей волокитой...

Потанин подрагивающей рукой поставил закорючку, облизнул губы. Его подтолкнули в спину. Он споткнулся на пороге. Капитан с вещмешком на плече, идущий навстречу, сделал круглые глаза, прижался к стене, пропуская процессию.

На крыльце курили сержанты из роты связи. Они вытянули физиономии, зачем-то спрятали папиросы за спины, машинально отдали честь арестованному капитану, потом сопровождающим. Потанина столкнули с крыльца — сержанты расслабились, стали перешептываться. На пяточке перед боковым проходом в здание былолюдно. Немая сцена, почти по Гоголю. Механик выбрался из проблемной полуторки, растерянно захлопал глазами.

— Прямо, Потанин, — процедил Гамарин.

Выводить арестованного на главную улицу никто не собирался.

Справа от гаража, между близко посаженными пряничными домиками, имелась арочная подворотня, проход к бывшему полицейскому участку, где были оборудованы подвалы, вполне подходящие для содержания в них всяческих шпионов и их пособников.

У задержанного сдали нервы.

Он дернулся, вырвал локоть и выкрикнул звенящим голосом:

— Вы не имеете права! Это самоуправство, вы дорого заплатите! Я требую встречи с начальником штаба!..

Майор Гамарин тоже не сдержался, ударил арестанта в лицо. Капитан отшатнулся и уже готов был упасть, но его подхватили. Из рассеченной кожи под глазом брызнула кровь, половина лица мгновенно стала пунцовой.

Угрюмо помалкивали люди во дворе. Жизненный опыт подсказывал бывалым военным, что органы НКВД и контрразведки не всегда руководствуются суровой объективностью.

Потанин подавился, зашелся кашлем. Его схватили под локти, потащили в подворотню.

Приземистое здание полицейского участка, приспособленное советскими властями по прямому назначению, охраняли солдаты в форме войск НКВД по охране тыла. Один из них, увидев приближающихся людей, скатил-

ся по лестнице к подвальной двери, заколотил в стальные скобы. Заскрежетало железо.

Задержанного втащили внутрь, тычком отправили по полутемному коридору. Нужная камера располагалась в конце короткого прохода. Сержант манипулировал ключами, подбирая нужный. Заскрежетала стальная дверь, снабженная узким оконцем.

Камера была не такой уж крохотной, метров пятнадцать «полезной» площади. Отхожее место за простенком, зарешеченное оконце-амбразура под потолком. Сырые бетонные стены, примитивные нары слева и справа.

Арестованного капитана без комментариев втокнули внутрь, захлопнули дверь. Заерзал ключ в ржавом замке.

В узилище пахло чем-то сладковатым и гнилым. Возможно, здесь помер какой-то бедолага и хорошо полежал, прежде чем был перемещен в другое место.

На лежанке слева ворочался мужчина, приподнимался.

Капитан Потанин доковылял до свободных нар, уселся, сжал виски руками. Стояла унылая тишина. Текли минуты.

В коридоре скрипели сапоги, там прохаживался часовой. Лязгнул крючок, запирающий окошко, в нем блеснул любопытный глаз. Потом окошко захлопнулось, часовой отправился дальше. Исправлять допущенную ошибку со-

трудники компетентных органов, похоже, не спешили.

Потанин отнял дрожащие руки от раскаляющейся головы, обвел тоскливыми глазами серые стены, запертую дверь, уставился на оконце, приделанное почти к потолку. В поле его зрения попали сапоги наружного часового. Тот неспешно прошел мимо.

Стекло в этой амбразуре когда-то имелось, но теперь там не было даже огрызков. Оставалось радоваться, что на дворе почти май, а весна в этот год в Европе стояла сравнительно теплая.

Он встретился с тяжелым взглядом и выдержал его. На соседних нарах сидел крепкий мужчина лет тридцати пяти с опухшим лицом. Обрасти густой щетиной он еще не успел. Глаза ввалились в черепную коробку, но смотрели пристально, не моргали. Русые волосы смялись, в них запеклась грязь и, похоже, кровь.

Он был в мятой капитанской форме, без ремня и фуражки, стоптанные сапоги. Награды за службу с него срывали с мясом, в гимнастерке остались дырки. Сиделец усмехнулся, не спуская глаз с новоприбывшего.

— Подсадной, дружище? — прохрипел он. — Смершевец или кто ты там, признайся? НКВД, ГБ — как там ваша контора называется? Тебя специально ко мне подкинули. Весь такой растерянный, обескураженный, не понимаешь,

что произошло. Да ладно, мне без разницы, кто ты такой. — Сосед глухо кашлянул, поморщился. — Нет у меня для вас никаких секретов, не того вы, крысы тыловые, взяли.

— Ты что несешь? — проворчал Потанин. — Кто тут подсадной? Дурак, что ли? Может, ты сам подсадной?

— А мне-то на хрена? — Сосед язвительно усмехнулся. — Я никогда не якшался с вашими доблестными органами.

— Можно подумать, я якшался, — заявил Потанин, обреченно вздохнул, обнял себя за плечи, тоскливо уставился под ноги.

Неловкое молчание затягивалось. Сосед уже не смотрел с язвительной гримасой. Он тяжело вздохнул, стал ерошить слипшиеся волосы.

— Ты кто такой? — спросил Потанин. — Физиономия у тебя относительно знакомая. Видел я тебя раз или два, точно не помню.

— Да и твоя морда лица тут мелькала, — заявил сосед. — Тоже не помню, где я имел честь лицезреть тебя. Из штабных, что ли?

— Вроде того, — согласился Потанин. — Три дня только в части, переведен сюда. И вот уже такая беда, мать ее! Потанин Олег Петрович, начальник строевой части, заместитель начальника штаба подполковника Кустовского.

— Теперь понятно, — сказал сосед. — Ты у товарища Кустовского, я у товарища Уфим-

цева. Чепурнов Глеб Викторович, заместитель командира полка по тылу, — представился сиделец. — Тоже три дня успел прослужить в должности. Ведь нормально же, сука, все было. Не понимаю, что за дела. Предъявили измену Родине, сотрудничество с иностранными разведками, еще какую-то липу и сюда вот законопатили. А я, между прочим, на Курском выступе батальон в атаку поднимал, когда всех офицеров выбило. У меня две медали «За отвагу», «За боевые заслуги» одна. А тут какая-то гадина донос накатила, и словно не было ничего. Предателем сделали! Как же это просто у нас! А тебя за что? — Он снова устремил на собеседника въедливый взгляд.

— Спроси что-нибудь полегче, — сказал Потанин и поморщился. — Как ледяной водой облили. Майор Гамарин меня брал. Я даже не знаю такого. Пособничество врагу, сотрудничество с немецкой разведкой. Точно не помню.

— Хорошо тебя приложили, — с усмешкой проговорил Чепурнов, — выглядишь дивно, как задница в кустах. И что думает по поводу твоего ареста подполковник Кустовский?

— Откуда я знаю, что он думает? — раздраженно воскликнул Потанин. — Не знает еще, но обязательно поставит этих кретинов на место, дай только срок. Тебя, кстати, тоже хорошо отделали, забавно смотришься. А твой командир, подполковник Уфимцев, что думает

по поводу твоего закрытия? — задал он встречный вопрос.

— Не знаю. — Чепурнов скрипнул зубами. — Мне не докладывали, что он думает. В гости не навещался. Вчера вечером на допрос таскали. Некий капитан Илюшин из третьего отдела контрразведки имел со мной пристрастную беседу. Толком ничего не предъявил, требовал признаний в подрывной и шпионской деятельности. Отметелили меня за милую душу, суки! Ты подожди, Олег Петрович, тебя тоже скоро на допрос потащат, там добавят, для симметрии, так сказать.

Потанин передернул плечами и замер, впал в тоскливый транс. Чепурнов что-то произнес, он не отреагировал. Тот перестал терзать новичка, снова закричал, распластал на нарах свои избитые мощи.

В коридоре послышался шум. Потанин вышел из оцепенения, вытянул шею. Бледность затопила свежевыбритое лицо. Где-то открылась дверь, прозвучал злобный окрик, звуки ударов. Потом опять стало тихо.

Потанин сглотнул, расслабился. На соседа он больше не смотрел, пребывал в плену собственных переживаний. А тот украдкой за ним подглядывал из-под прищуренных век. Потанин машинально потянулся к нагрудному карману, где раньше лежал портсигар, вспомнил, что его изъяли, поднялся на нетвердые ноги,

встал под окном, задрал голову, жадно ловил звуки, доносящиеся с улицы. Кожа на его лице натянулась, скулы заострились.

— Ага, ты еще слезу смахни, — буркнул Чепурнов. — Что, хорошо там, на воле?

— Да пошел ты! — огрызнулся Потанин, добрался до лежанки, сел. — Не предатель я, понимаешь? — Он вскинул голову. — Я с сорок первого года в действующей армии, на Степном фронте воевал, на Первом Белорусском. У меня, между прочим, тоже медаль «За отвагу» имеется, а ее, сам знаешь, просто так не дают. Ранение получил под Варшавой, два месяца в госпитале провалялся, после чего и был отправлен на штабную работу.

— Здесь все невиновные, — сказал Чепурнов и пожал плечами. — Сюда других не садят.

— Это ты издеваешься сейчас, да? — спросил Потанин и как-то подобрался. — Совершенно напрасно, Глеб Викторович, или как там тебя. Хочешь знать, что я думаю по существу этой нелепой ситуации? Изволь. Тебя не просто так замели, а по делу. Полагаю, ты не тот, за кого себя выдаешь. Ты вражина, предатель Родины, и с тобой наши органы разберутся с особой тщательностью, выведут на чистую воду. Ведь у нас кого попало за решетку не бросают. Чего ты ржешь?

Его соседа действительно пробрало на смех, но состояние организма оказалось не совсем

подходящим для этого. Арестанта одолел надрывный кашель.

— Меня задержали по ошибке, — уже не так уверенно продолжал Потанин. — Такое случается. Ложный донос, недоразумение, разберутся, отпустят. Даже извинятся за причиненные неудобства. Да, согласен, то, что случилось, выбило меня из колеи. Я ведь в таком положении никогда не был, отсюда и растерянность.

— В положении, говоришь? — заявил Чепурнов. — Ладно, раз такая откровенность пошла, я тебе тоже скажу все, что думаю. Я даже знаю, кто на меня донес. Это сделал паршивый хмырь из продовольственной части. На складе у него бардак, о доброкачественном питании даже речь не идет. Ты сам знаешь, чем нас кормят. Я пригрозил ему оформлением акта проверки, он сразу и занервничал. Павлушкин его фамилия. Увертливый, скользкий тип. Подполковнику Уфимцеву я доложил обо всем лично, в устной форме. Так что он знает, откуда ноги растут, и в ближайшем будущем примет меры. Я очень на это надеюсь. Со мной все ясно, а вот ты действительно субъект смутный. Шарики под черепушкой ведь так и мечутся, согласишься? Непростой ты парень. Сейчас наверняка прикидываешь варианты поведения на допросе. Зря не посадят, это ты верно заметил. Но исключения из правил все же случаются, и заметь, в нашем случае они относятся

не к тебе. Мне противно сидеть в одной клетке с изменником. Хочешь что-то сказать? Так говори. Какие у вас аргументы, товарищ бывший капитан?

Оба сопели, хищно разглядывали друг друга. Каждому было что сказать, у обоих чесались кулаки, и в горле теснились матерные слова. словно две невидимые силы столкнулись и застыли. Есть ли смысл растрачивать себя и обвинять кого-то другого? Напряжение витало в воздухе, потом стало спадать, рассасываться.

Чепурнов махнул рукой и отвернулся к стене. Потанин угрюмо смотрел на его мерно вздымающуюся спину, потом вздохнул, тоже лег и уставился в потолок, с которого осыпалась вся известка.

Электричество тут, возможно, имелось, но в дневное время его зазря не тратили. Света из окна вполне хватало на то, чтобы видеть смутный лик визави и не разбить лоб о стену.

Дальнейшая беседа не клеилась, охотника продолжить дискуссию не находилось. Арестанты сопели, кашляли, искали приемлемые позы.

Загремели засовы, распахнулась дверь.

— Встать! — прорычал сержант.

Обоих как ветром сдуло с нар. Они вскочили и мрачно уставились на парня, посмеявшего командовать двумя офицерами.

К счастью, пока ничего ужасного не случилось. Им всего лишь доставили хлеб насущный. Рядовой с карабином за спиной поставил на пол поднос с алюминиевыми мисками и кружками, разогнул спину и одарил сидельцев презрительным взглядом.

— Жрите пока, суки! — буркнул от порога прыщавый переросток-сержант.

— Что происходит? — резко выплюнул Потанин. — Почему я здесь? Вы сообщили подполковнику Кустовскому, что его заместителя подвергли необоснованному аресту? Что за волокита, мать вашу? Я требую немедленной встречи с начальником штаба! Вы ответите за эту грубость, когда я отсюда выйду! Где субординация?

Надзиратели переглянулись, хорошо, что хоть руки не распускали.

— Субординация там осталась, гражданин, — глумливо усмехнувшись, сообщил сержант, кивая на окно. — А здесь вам хрен с маслом. Вы арестованы за измену Родине. Появится следователь, с ним и разбирайтесь. А будете буянить и качать права, я сообщу куда следует. Все понятно? Приятного аппетита, как говорится.

Вся компания, гремя амуницией, удалилась. Потанин сплюнул. Товарищ по несчастью невесело хмыкнул, почесал немытую голову и потянулся к подносу.

Ели арестанты покорно, не выделялись. Голод не тетка. Друг на друга они старались не смотреть, молотили мягкими ложками из алюминия жидкую ячменную кашу с еле заметными признаками мясного духа. Хрустели черствым хлебом, запивали клейкую субстанцию подкрашенной водичкой из кружек.

— Еда не очень, — резюмировал Потанин, вытирая губы.

— Я же говорю, — буркнул Чепурнов, отталкивая ногой поднос с посудой. — Есть можно, но это не то, что положено красноармейцу перед боем. Заворовались, сволочи, и даже война их не лечит. Эх, сейчас бы покурить. — Он с заунывной тоской уставился на дверь.

— Думаешь, придут, угостят, еще и прикурить дадут? — осведомился Потанин.

Чепурнов досадливо мотнул головой и сказал:

— Прикурить-то точно дадут. Ладно, будем считать, что поели. Эх, жизнь собачья.

— Никак не могу смириться, — проворчал Потанин. — Наши уже Берлин окружили, половину Германии взяли, скоро Гитлеру в его канцелярии капут будут делать. Наш полк через день-другой в наступление пойдет, Переднюю Померанию освободить будет, с западными союзниками соединится. А я тут сижу как какая-то последняя сволочь, казенную жрачку ем и не знаю, что будет дальше.

— Так ты и есть последняя сволочь, Олег Петрович, — заявил Чепурнов. — Прижучили тебя и правильно сделали.

— Да заткнись ты, идиот! Это ты сволочь, а я — порядочный советский человек, загремевший по недоразумению. Ничего, скоро все выяснят, раздадут всем сестрам по серьгам.

— Ну-ну, блажен, кто верует, — заявил Чепурнов и скривился. — Сказать тебе, корешитный, что нам светит? Я-то советский человек, мне не надо об этом рассказывать. Кто ты — хрен тебя разберет, может, и враг. Но это по большому счету и не важно. Ты же не дурак, верно? Часто слышал, чтобы людей, взятых по недоразумению, отпускали, да еще и с извинениями? Это сказка, приятель. Не важно, кто ты такой. Навесят грехов, и все признаешь, подпишешь, как миленький. Время военное. Пробубнят тебе приговор, выведут во двор, да и шлепнут под работающий движок полуторки, чтобы мирных бюргеров не смущать. Да еще и меня с тобой за компанию, что уж совсем обидно. — Он снова отвернулся к стене, стал царапать ногтями остатки штукатурки.

— Слушай, начальник тыла, прекращай, — не выдержал через пять минут Потанин. — Ты еще зубами по стеклу поцарапай.

Чепурнов хохотнул. Действительно, где тут стекло найдешь? Но царапаться он перестал, и наступила оглушительная тишина.

ГЛАВА 2

Весь остаток дня фашистских прихвостней никто не беспокоил, что было странно и как-то даже необъяснимо. Оба ворочались, иногда садились, чесались, с нелюбовью поглядывали друг на друга. Замирали, когда снаружи что-то происходило, но все не по их душу. Оснований для паники пока не было.

Допрашивать их никто не спешил. Разве что ночью придут.

Но этого не случилось. Хихикали и шушукались часовые, иногда шоркали подошвы. Дважды отворилось оконце и с лязгом закрывалось. Приходила тишина, чреватая, удушливая. Мужчины ерзали на провонявших матрасах, не могли найти себе покоя, поднимались, мерили шагами камеру, по очереди кряхтели в отхожем месте.

Стемнело, свет охрана не включала. Арестантам поневоле пришлось прекратить хождения по камере, чтобы не разбить себе нос.

Один из них очнулся посреди ночи. Такое бывает, хотя и достаточно редко. Ты просыпаешься от собственного храпа, улавливаешь последнюю его нотку, как будто ржавая пила вгрызается в твердую деревяшку, и что-то толкает в мозг. Он на всякий случай застонал, перевернулся на бок, начал прерывисто сопеть и подумал, что проспал примерно три часа.

Часы у него отняли, но внутренний хронометр, отлаженный и проверенный, работал исправно. Сейчас примерно два часа ночи.

Он открыл глаза и затаил дыхание. Сосед мерно сопел, хотя мог себе позволить и всхрапнуть. Спал ли он? Возможно, нет. Сегодня у обоих головы распухали от дум. А то, что они говорили друг другу, было просто ширмой.

В камере царила темень. В крохотном оконце под потолком виднелся фрагмент ночного неба, усыпанного звездами. Осветительный прибор из него был так себе, а луна в этот час ночи обреталась на другом краю неба. Сумрачно проступали перехлесты решетки.

Впрочем, глаза арестанта привыкали, во мраке проявлялась противоположная стена, под ней нары, на которых свернулся человек. Этот субъект был враг, совершенно конкретный и недвусмысленный. Опытный и опасный агент Абвера с позывным Паук, доставивший советскому командованию массу хлопот. Он погорел на ерунде, по собственному невниманию.

Взяли его не сразу, выждали сутки, окружив стеной внимания. При аресте не афишировали свои знания. Мол, с вами все кончено, гражданин Паук, все такое. Повязали без объяснения причин, с размытыми формулировками: «контрреволюционная деятельность», «пособничество», «работа на вражескую разведку».

Пусть у человека останется надежда. Не надо сразу выкладывать все козыри.

Второй же человек, находившийся в камере, был сотрудником Главного управления контрразведки СМЕРШ, специально подселенным к агенту. Он лежал сейчас в крошечной тишине, всматривался в полумрак.

Пока этот офицер только прощупывал своего соседа, изображал из себя честного советского человека, но все же старался с помощью тонкой психологической игры убедить его в том, что он тоже работает на немцев. Оппонент очень не глуп. Тут важен любой нюанс, произвольная реакция, движение губ, глаз, да хоть ушей, черт возьми!

Оставалось три часа до предрассветной поры. Он обязан был встретиться во всеоружии. Агент два дня назад контактировал с неким парнем, носившим форму майора английской армии. Комдив возил делегацию, включающую журналиста, учинял показуху, решал вопросы совместного планирования. Разумеется, с подачи высших лиц.

Этот франтоватый субъект представлял не столько английскую армию, сколько разведку. Сотрудники СМЕРШ, разумеется, знали об этом, оттого и не спускали с англичанина глаз.

«Поклевка» была что надо. Агент искал встречи, пусть даже мимолетной. Или оба. Это не важно. Минутный контакт состоялся в ко-

ридоре офицерской столовой. У них все срослось бы, не будь органы начеку. Этот момент контрразведчики засекали!

Делегация союзников благополучно убыла в свои пенаты, а Паука взяли только через день. Сутки ушли на выяснение личности. Сотрудники органов просто ошалели от такой удачи. В гости к ним пожаловал сам Паук, теперь он уже не лютый неуловимый диверсант, знакомый с самим Отто Скорцени, а неприметный офицер в руководстве полка с, мягко говоря, не боевой должностью.

Зачем он тут? Война подходит к концу, с этим все понятно. Сейчас он должен быть не здесь, а бежать со своими хозяевами в Южную Америку, Африку, Австралию. Куда они там еще ноги уносят? Почему медлит? Давно мог бы обратиться подальше с его-то навыками.

Что означала мимолетная встреча с англичанином? Ничего? Или имела важное значение? Брать, пытаться? Допрашивать агентов такого уровня просто глупо, особенно если не знаешь, что происходит. У него наверняка найдется версия, подходящая для советских органов, которую нельзя будет проверить. Можно напортачить, а потом головы полетят. Но брать надо, иначе он уйдет.

Офицер СМЕРШ был неплохим психологом, именно поэтому руководство и решило использовать его втемную, не посвящая в не-

кие нюансы. Но оно и не обязано было это делать, а он — человек военный, должен выполнять приказы.

Что ему было известно о текущей ситуации? Хозяин Паука — не англичанин. Прямой руководитель этого агента находился на немецкой стороне и, по данным разведки, еще не сбежал. Он пребывал здесь, в Передней Померании, куда еще не пришла Красная армия, в собственном родовом замке Левенштайн, в плотном окружении эсэсовцев. Это некто Леонард фон Гертенберг, барон, бригаденфюрер СС, специалист по военной разведке, профессор, вице-президент общества Аненербе, ставящего мистицизм на службу рейху, знаток множества тайн.

Советская контрразведка, конечно же, проявляла очень пристальный интерес к этим секретам. Данный субъект был крайне важен для нее. Он курировал несколько разведывательных школ, расположенных на оккупированных территориях Польши и Украины, приближал к себе самых одаренных выпускников, одним из которых был Паук. Барон стимулировал их настолько грамотно, что у тех даже не возникала идея переметнуться на другую сторону.

Но тут было и что-то еще, возможно, связанное с научно-исследовательской деятельностью. Руководство не вводило офицера в курс дела, и приходилось додумывать самому. Почему фон Гертенберг еще здесь? Кого он ждет,